

Кустова Елена Витальевна

МОНАХИ И "СРОДНИКИ": ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МОНАСТЫРЯХ ВЯТСКОЙ И ВЕЛИКОПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII В.

В статье на примере Вятской и Великопермской епархии анализируется широкий спектр отношений монашествующих со своими родными в контексте государственной политики. Рассмотрена степень реализации в епархии указов Синода по ограничению отношений монашествующих с родными. В частности, затрагиваются вопросы поступления в монастырь в зависимости от семейного положения, жизнь с родными в монастыре, отношения монахов с родственниками, оставшимися в "миру". Исследуются особенности этих отношений в мужских и женских монастырях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 94-98. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 271; 94

Исторические науки и археология

В статье на примере Вятской и Великопермской епархии анализируется широкий спектр отношений монашествующих со своими родными в контексте государственной политики. Рассмотрена степень реализации в епархии указов Синода по ограничению отношений монашествующих с родными. В частности, затрагиваются вопросы поступления в монастырь в зависимости от семейного положения, жизнь с родными в монастыре, отношения монахов с родственниками, оставшимися в «миру». Исследуются особенности этих отношений в мужских и женских монастырях.

Ключевые слова и фразы: монастыри; Вятская и Великопермская епархия; повседневность; монашествующие; родственники; социальные связи; постриг; завещания.

Кустова Елена Витальевна*Вятский государственный гуманитарный университет**kustovael@yandex.ru***МОНАХИ И «СРОДНИКИ»: ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В МОНАСТЫРЯХ ВЯТСКОЙ И ВЕЛИКОПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII В. ©**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-11-43002.

Уходя в монастырь, человек должен был оставить своих родных, умереть для этого мира и прошлой жизни. Монашество, по Евангелию, стояло выше семейной жизни: «И всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имени Моего ради, сторицею примет и живот вечный наследит» (Мф. 19:29). Отказ от семейной жизни являлся обязательным условием монашества, поскольку забота о семье не позволяла человеку всецело служить Богу. Обет девства предполагал, что желающий стать монахом должен быть человеком, не знавшим брака и семейной жизни, или ставший вдовцом.

Принимая монашеский постриг, человек оставлял свое прежнее имя и получал новое. Тем самым он отказывался от прежней жизни в миру, привязанностей и родства. В русских средневековых монастырях многие подвижники полностью отказывались от всяких встреч со своими родными. Но, несмотря на существующие правила, каждый монах сам для себя решал вопрос об отношениях с родственниками, исходя из своего жизненного опыта и особенностей характера [17].

В большинстве монастырей в допетровскую эпоху не было больших ограничений в общении монахов и родственников. В частности, в вятских монастырях известны случаи, когда родные жили около монастыря, где подвизался один из членов семьи, и даже порой помогали ему в каких-то благочестивых делах. Так, в Хлыновском Трифоновом монастыре, где настоятелем в конце XVII в. был архимандрит Александр, в 1687 г. принял постриг его зять Фома (Овчинников) [7, д. 6, л. 38 об.], а дочь последнего, внучка архим. Александра Дарья, вместе со своим мужем – слугой монастыря Егором Феоктистовым – жила около обители [18, кн. 521, л. 95 об.]. В первые годы после смерти основателя Орловского монастыря Ильи (Семакина), скончавшегося в 1695 г., строительством обители и устройством монастырского быта по просьбе почившего отца занимался его сын – протоиерей вятского Свято-Троицкого кафедрального собора Илия со своим сыном иереем Кириллом [21-23]. В свою очередь, монахи молились за родных, делали за них вклады, вписывали их в монастырский синодик.

Указы Петра I, используя цитаты из святоотеческих трудов, вводили серьезные ограничения на сношения монахов со «сродниками» и «свойственниками». По законам семейное положение являлось серьезным препятствием для пострижения в монашество. В частности, закон запрещал постригать мужчин младше 30, а женщин – ранее 50-60 лет, а также людей, состоящих в браке. В исключительных случаях этот вопрос предоставлялся на рассмотрение Синоду. Легче было получить разрешение супругам, которые решались по взаимному согласию вместе принять постриг в разных монастырях, но и тогда вопрос решал архиерей, глядя на их лета и на возраст детей.

До XVIII в. нередко были случаи, когда, оставшись вдовой или вдовцом, человек уходил в монастырь, беря с собой малолетних детей, престарелых родителей или иных «сродников». Однако Петр I, желая сократить затраты на содержание монастырей, указал «тотчас» высылать оттуда всех мирян, в том числе родственников и свойственников монахов. Тем более запрещалось определять их к каким-то монастырским делам. За нарушение данного порядка настоятели и монахи ссылались в далекие поморские монастыри или обрекались на заточение «в крепких местах невозвратно» [15]. После смерти монаха его имущество должно было переходить не родственникам, а в Синод или в монастырскую казну, в зависимости от его статуса. Выход из монастыря допускался лишь с дозволения настоятеля и на непродолжительное время. Жизнь в монастыре не должна была подвергаться расстройству из-за посещения знакомых или родственников иноков. Монахам разрешалось с дозволения настоятеля не чаще чем четыре раза в год посещать своих родственников или старцев в других монастырях, а монахини вовсе лишались этого права [15; 16].

В какой степени подобные ограничения соблюдались в приуральских монастырях? Судя по документам, в Вятской и Великопермской епархии в первой половине XVIII в. особых запретов, связанных с возрастом и семейным положением, вводить не требовалось: еще по традиции XVI-XVII вв. монахами становились

преимущественно престарелые вдовцы и вдовицы, имевшие взрослых детей, гораздо реже – холостые мужчины или девицы, также в основном преклонных лет. Например, в 1720-1730-е гг. средний возраст монахов в Успенском Трифоновом монастыре составлял 50-70 лет (в 1724 г. таковых было 87%, в 1735 г. – 63%). В большинстве случаев это были вдовцы [14, с. 73-90].

Лишь в редких случаях человек уходил в монастырь, имея супруга и малолетних детей. Главной причиной являлось серьезное заболевание, когда человек не только не мог заботиться о членах семьи, но и сам становился для них непосильной обузой. Так, в 1710 г. в Хлынове на ул. Успенской, где стоял Успенский Трифонов монастырь, жила во дворе «нищая Евдокия Трофимова дочь Григорьева жена Кунаева 60 лет» с 8-летним сыном Максимом. Указывалось, что ее муж «...Григорей живет в больнице в Успенском монастыре» [18, кн. 521, л. 68 об.]. На следующий год Григорий принял постриг [7, д. 6, л. 45 об.].

В 1742 г. духовная консистория рассматривала прошение крестьянина Слободского уезда Саввы Деньгина и его жены Натальи о пострижении ее «за разслабленную болезнию по желанию ее а по увольнении оною мужа ее Саввы, в монашеский чин в Слободском Преображенском девичьем монастыре». Было приказано ее освидетельствовать монахиням или белицам, «подлинно ли она болна и движения собою не имеет и монашеский чин воспринять желает ли и муж ее Сава в монастырь отпускает ли и с таким ли уговором как он в прошении своем написал, что по жизнь ее поить, кормить и платьем одевать будет», взять с него в том письменное обязательство, и если все подтвердится, то в монашеский чин супругу его постричь. По правилам святых отцов больных жен по желанию их, если их отпускали мужа, в монашество постригать не возбранялось, с тем условием, что пока жена будет жива, ее супругу на другой жениться запрещалось [4, д. 4, л. 28 – 28 об.].

В 1745 г. священник Спасской церкви с. Талицкого Орловского уезда Данил Бехтерев просил об отсылке к пострижению в монашество в Истобенский монастырь «от живой жены за старостию и дряхлостию». Для консистории препятствий к пострижению не оказалось [3, д. 1, л. 16].

Получить отпускное письмо от общества для податных сословий, особенно в молодые годы, было крайне сложно. В исключительных случаях крестьянская община или посадское общество могло отпустить человека в монастырь, если кто-то обязался платить за него подушную подать. В некоторых случаях именно родственники помогали принять монашество, обещая платить налоги, если общество не соглашалось это делать. Так, в 1745 г. когда 32-летний крестьянин Петр Протодяконов решил принять постриг, его налоговое бремя взял на себя его родной брат Алексей [4, д. 7, л. 181]. В 1777 г. мещанин г. Хлынова Петр Репин «по усердному... желанию и по одиночеству положил намерение воспринять чин монашеский». Подати и подушные деньги до его смерти обещался платить за него родной брат Григорий. Прошение было отправлено в Синод, правда, через год Петр Репин скончался, так и не дождавшись разрешения на постриг [6, д. 406, л. 1, 2, 14, 17].

Для тех, кто рано стал вдовцом, препятствием для поступления в монастырь могли стать несовершеннолетние дети. При постриге узнавали количество и возраст детей, и если они были малолетними, то выяснялось, куда они будут направлены.

В некоторых случаях малолетнюю дочь могли отдать на воспитание в женскую обитель, в частности, в Хлыновский Преображенский девичий монастырь, где родитель мог временами ее проводить [4, д. 30, л. 885 – 886 об., 919-924; 8, д. 598, л. 7, 24]. Детей после пострига могли взять родные. Перед тем как поступить в 1737 г. в Трифонов монастырь иеромонах Филарет (Вилегжанин) передал своих детей на воспитание брату священнику Конону. Впоследствии он неоднократно ходил к нему для свидания с детьми [4, д. 9, л. 17 – 20 об.; 7, д. 394].

После пострига священно-церковнослужителей их сыновья, достигшие 6-7 летнего возраста, определялись в русскую или славяно-латинскую школы, которые располагались при архиерейском доме, а с 1744 г. – в Трифоновом монастыре. Например, в 1748 г. вдовый диакон Владимирской церкви г. Хлынова Лаврентий Протопопов по собственному прошению был определен на послушание в Трифонов монастырь, где вскоре принял монашество, а его 10-летний сын Иван был определен в духовную школу на казенное содержание [4, д. 10, л. 521]. В 1740-е гг. Мина Тарасович Мышкин, отец которого являлся иеромонахом Котельничского монастыря, был отдан в славяно-латинскую школу и стал впоследствии настоятелем Подгородного монастыря. Тогда же в школе учился Василий Лобовиков, чей отец иеромонах Феодорит, пострижник Трифопова монастыря, со временем стал настоятелем далекой Тохтаревской пустыни [3, д. 1, л. 14 – 14 об.; 4, д. 10, л. 521, 558 – 558 об.].

Если отец принимал постриг в Успенском Трифоновом монастыре, в этом случае дети, обучающиеся в духовной школе, не расставались со своими отцами [3, д. 3, л. 364]. Но в других вятских и пермских монастырях это было почти невозможно. Лишь в редких случаях дети некоторое время могли жить в монастыре в келье со своим родителем – послушником или монахом. Так, около двух лет (1744-1745 гг.) прожил с иеромонахом Илией в Верхочепецком монастыре его сын, которого отец вовремя не предоставил на смотр для определения в духовную школу и позднее был вынужден заплатить за него штраф [Там же, д. 1, л. 272 об.]. В 1746 г. после смерти строителя Тохтаревской пустыни настоятелем был назначен находящийся там вдовый священник Евтихий, а подьячим для записи приходов и расходов – его сын Иван [Там же, л. 210, 211]. В 1775 г. находящаяся в искусе в Хлыновском Преображенском монастыре вдова Устинья Столбова просила о допущении жить с ней 18-летней дочери до выдачи ее в замужество [6, д. 405, л. 6].

Хотя монастырь должен был разрывать родственные связи, но реальность порой оказывалась сложнее монастырских уставов. В 1735 г. в Хлыновском Преображенском девичьем монастыре жили монахини 77-летняя Мария и 73-летняя Ираида – дочери солдата старых полков г. Хлынова Ивана Филимонова. Потеряв своих мужей, они друг за другом в 1731-1732 гг. приняли монашество в г. Хлынове [7, д. 41, л. 60]. В том же году в Пыскорском Подгорном Григорьевском монастыре жили родственницы – монахини Елена и Анфиса (Шустовы), родом из Коломенского уезда, вдовицы, мужа которых работали в Строгановских

вотчинах [Там же, д. 51, л. 20, 21]. В 1740-е гг. в Чердынском монастыре жили родные братья – монахи Зосима и Корнилий (Говорливых) [6, д. 42, л. 72 об.].

Нередки были случаи, когда отец и сын друг за другом принимали постриг [18, кн. 521, л. 1015, кн. 1098, л. 164 об.]. В начале XVIII в. в братии Раифской Богоявленной пустыни числились монахи Никодим и Тихон – отец и сын Короваевы, крестьяне Великоорецкого стана [7, д. 5, л. 47 – 47 об.]. Около 1712 г. стал монахом в Трифоновом монастыре крестьянин-вдовец Петр Кочуров. Около 1726 г., когда он еще был в обители, там же принял постриг и его сын Василий [Там же, д. 6, л. 44, д. 45, л. 6 об., 7 об.]. В середине XVIII в. стали монахами Хлыновского монастыря отец и сын Попцовы. Степан Попцов был вдовым попом с. Вязовского. Состарившись, он передал свое священническое место сыну Дементию. Сын помогал престарелому отцу, ухаживал за ним. Но спустя какое-то время умерла супруга и у него. Став вдовцом, Дементий должен был покинуть священническое место. Определив детей к разным храмам, в марте 1752 г. он поступил в Трифонов монастырь. А через месяц там же принял постриг его отец – по своему желанию «за крайней старостию и дряхлостию». Оказавшись в обители вместе с родителем, сын продолжил заботиться о нем. В 1754-1755 гг. Дементий находился в Истобенском монастыре. Но в октябре 1755 г. по прошению он был переведен обратно в Успенский монастырь, чтобы служить при больничной церкви Афанасия и Кирилла, в келье при которой жил, по-видимому, его отец [4, д. 14, л. 164, 245, д. 16, л. 169, д. 17, л. 408-409; 5, д. 1, л. 14, д. 4, л. 8 об. – 9; 18, д. 1098, л. 331 об. – 332].

Своеобразной «династией» в Трифоновом монастыре в конце XVIII в. стали Сучковы. Диякон Иаков Сучков служил со своим отцом-иереем Василием при Зосимо-Савватиевской церкви в с. Иванцовском Слободского уезда. В 1773-1774 гг. он был пострижен в Успенском монастыре, где более 5 лет (1774-1779 гг.) исполнял должность казначея. Его отец Василий овдовел позднее. В 1775 г., будучи при Христорождественском монастыре г. Слободского, он «...находился в чинимых во оной церкви непорядочных поступках под следствием». Вероятно, выходом из непростой ситуации стал постриг. В 1777 г. Василий, указывая на старость лет, болезни и свое усердное желание, просил принять его в братство Трифопова монастыря. Уже в следующем году ему было разрешено жить в одной келье с сыном. В 1779 г. он принял постриг с именем Варлаам. Переживая за дочь, которая после смерти мужа осталась с двумя детьми, он просил, чтобы зятя ее обеспечивали [2, д. 353, л. 150 об.; 4, д. 30, л. 217; 5, д. 5, л. 24, д. 8, л. 55, д. 10, л. 69, д. 11, л. 106; 8, д. 814, л. 9-25, 45; 12, д. 9, л. 28; 19, д. 290].

Еще одна семья соединилась в монастыре в 1778 г. Иеромонах Истобенского монастыря Феодосий, который «пришел в глубокую старость и слабость» и с трудом мог передвигаться, обратился с просьбой перевести к нему сына – вдового диякона Александра Куклина, который находился в искусе в Трифоновой обители. Но поскольку в последней были свободные места, было разрешено перевести туда самого Феодосия. Через год его сын принял постриг [4, д. 37, л. 1182 – 1182 об.].

Случалось, что в монастырь уходило сразу несколько родственников. Около 1716 г. принял постриг в Успенской обители г. Хлынова вдовый священник Благовещенской и Никольской церквей с. Бобинского Симон Юфеев. Перед тем как принять монашество, он пристроил к храмам трех своих сыновей: 27-летний Афанасий стал дияконом, 20-летний Борис – дьячком, а 15-летний Федор – пономарем. Вскоре в том же монастыре стал монахом его сын Василий, служивший дияконом сначала при Бобинской церкви, а затем в Троицком кафедральном соборе Хлынова. Спустя почти 30 лет в апреле 1749 г. его второй сын Борис за вдовством и «ножною болезнию» был определен в больничную келью монастыря «в надежду пострижения» [4, д. 11, л. 342; 18, д. 1098, л. 51].

Указанные выше случаи касались родных, которые приняли монашество и не нарушали принятых правил. В то же время по указам Петра I 1701 г., 1703 г. и 1722 г. монахам было запрещено жить в монастыре со своими братьями-родственниками. Это правило в вятских и пермских монастырях соблюдалось достаточно строго, известны лишь единичные случаи, когда оно нарушалось. Примером может стать дело о пожаре в Истобенском монастыре. Игумен Иероним был обвинен в поджоге своего монастыря с целью перевода братии в более обеспеченную Орловскую обитель. Следствие не подтвердило этих обвинений, но зато выяснило, что вместе с настоятелем жили двое его племянников – Алексей Яковкин и Иван Шабров, а еще один – Илья Яковкин периодически приезжал. «Для довольства племянников своих» игумен распродал и заколол почти весь монастырский скот, отдавал им жалование умерших монахов и прибавочные деньги [6, д. 512, л. 1, 12 об.]. Поскольку это нарушало Духовный регламент, началось следствие.

Также известен случай, когда в монастыре без должного присмотра настоятельницы стали жить семейные люди. В августе 1748 г. заика г. Слободского прот. Петр докладывал в духовную консисторию, что в Слободском Спасском девичьем монастыре за неимением игуменни без позволения консистории того монастыря церковным старостой и посадскими купцами «напущено жен, мужей имующих, и повде жены в кельях того монастыря с мужьями своими начюют, а притом живут непостоянно, много упиваются, бранятся, безчинствуют много и тем оному монастырю немалое приводят поречение, а монашескому чину укоризну». Архимандриту Слободского Богоявленного монастыря Герасиму было поручено расследовать это дело [3, д. 1, л. 226 – 226 об.].

Но и после пострига с родными, которые оставались в «миру», отношения сохранялись. Перед постригом послушники обычно уезжали домой, чтобы завершить все мирские дела, продать или передать родственникам свое имущество и попрощаться с родными. Например, в феврале 1756 г. отставной прапорщик Сидор Моденов, который провел несколько лет на различных послушаниях в монастыре, попросился домой к родным в Тобольскую губернию, где не был много лет. В следующем году он принял постриг [Там же, д. 2, л. 21 об., д. 3, л. 201 об.]. После пострига по Духовному регламенту монахи не могли отлучаться из монастыря чаще четырех раз в год, и только с разрешения настоятеля. Однако наличие родственников, особенно если они жили относительно недалеко от монастыря, могло создавать немало искушений и проблем для монаха. Не случайно в 1764 г. Вятская

духовная консистория сообщала монастырям, чтобы монашествующие никого к себе гостей не звали и не принимали и друг к другу по келлиям не ходили, и вина не покупали и не упивались [13, д. 15, л. 1 об.].

В мужских монастырях отлучки, в т.ч. и к родным, были достаточно обычным явлением, и если только монахи в чем-то провинились, они имели для него какие-то последствия и наказания. Об иеродиаконе того же монастыря Льве (Протопопове) в 1751 г. сообщалось, что он «для единого пианства и безобразия многократно к имеющимся в городе Хлынове сродником и свойственником своим потаенным образом и ночным временем в мирские дома отлучается». За свой порочный образ жизни он был наказан плетью и отправлен подальше от родственников и знакомых в Соликамский Вознесенский монастырь [4, д. 10, л. 521, д. 13, л. 695-696]. В сентябре 1775 г. иеромонах Трифонова монастыря Иоанникий пошел «з дозволения настоятельского для кроения и шитья ряски за город, к родственнику ево в дом Федоту Мимину». По дороге его силой втащили в питейный дом, где его ударили, обвинив в краже денег [Там же, д. 30, л. 314, д. 37, л. 1175, 1179].

В женских обителях ограничения на выход из монастыря действовали более жестко, чем в мужских. Так, в 1791 г. из Христорождественского монастыря г. Слободского отлучилась неизвестно куда без игуменского благословения монахиня Капитолина (Шорина). Через неделю она явилась в обитель, сказав, что была в Вятке у родной сестры в доме штатной команды сержанта Семена Степанова. Духовная консистория отметила, что по силе Духовного регламента (п. 52) за самовольный побег из монастыря ее следовало бы держать до смерти в оковах и в трудах монастырских, но поскольку она явилась в монастырь сама, «и лет уже весьма престарелых», то от оков ее освободить. Но за побег ее оштрафовать по усмотрению настоятельницы. Игуменья Ирина поступила с ней по указанию консистории и возложила на нее положение в церкви во время богослужения в течение пяти дней пятиста поклонов [6, д. 618, л. 1, 4-6, 9].

Отношения между монахами и родственниками, оставшимися в «миру», не всегда были безоблачными. В 1791 г. иерод. Иоасаф жаловался, что своего сына Матфея, дьячка Богоявленской церкви с. Рябиновского, «с измалолетства своим коштом воспитал и по совершенном возрасте женил и всяким своим имением по своей возможности награждал, за что чая от него при старости своих лет неоставление; а ныне я по сущей своей немощи просил у него неоднократно из собственных своих бараньих овчин одну шубу, да присылки денег четырех рублей за взятую ж им от меня шубу». Но сын ни шубы, ни денег не прислал. Поэтому иеродиакон просил консисторию воздействовать на сына. Вразумление возымело свое действие: вскоре дьячок Матвей Трушков ответил, что не мог помочь из-за отсутствия денег, а ныне все необходимое отцу предоставит [10, д. 53, л. 1 – 1 об., 3]. Но подобные примеры все же были редкостью.

О сохранении связей монахов с родственниками свидетельствуют завещания. По Духовному регламенту имущество монашествующих передавалось в Синод или в монастырскую казну, только в 1766 г. ученому монашеству было разрешено свободно распоряжаться своим имуществом. Отныне они могли завещать свое имущество родственникам и другим лицам, в то время как собственность обычных монахов по-прежнему должна была переходить после их смерти в распоряжение государства или монастыря [20].

Однако реалии оказывались сложнее, чем было прописано в законе. Как показывают документы вятских и пермских монастырей, вещи и деньги монаха или послушника после его смерти передавались родственникам, и лишь иногда часть средств отдавалась в Казенную палату [9, д. 371, л. 2; 11, д. 147, л. 1-2]. Так, в 1745 г. после смерти строителя Тохтаревской пустыни иером. Феодорита половина оставшихся у него средств (34 руб.) была передана его сыну – студенту славяно-латинской школы Василию Лобовикову, а остальные средства были записаны в приход монастыря [3, д. 1, л. 14 – 14 об.]. Если родственников не было, то вещи продавались, деньги тратились на погребение, раздавались нищим и братии «в поминовение умершего», а остальное переходило в монастырскую казну [1, с. 171; 4, д. 3а, л. 43, д. 30, л. 787; 12, д. 4, л. 215, 287].

Нередко имущество еще до пострига передавалось родственникам. В 1744 г. вдова посадского г. Хлынова Андрея Носкова 71-летняя Мария просила о пострижении «по желанию и по завещанию своему» в Преображенском женском монастыре Хлынова. Движимое и недвижимое имение она передала своей дочери вдове Парасковье Москвитинове и внукам [4, д. 6, л. 341-342].

Но от имущества умершего монаха его родственники могли и отказаться. В 1782 г. скончался бывший игумен Верхочепецкого монастыря Адам. Его книги были переданы в семинарию, а вещи консистория предложила забрать жившим в Чердыни его отцу Федору и брату Андрею Чебыкиным. Правда, покойный в своем завещании просил свои вещи продать и раздать на его поминовение. Родственники решили, что лучше пусть будет по воле усопшего, и за вещами не поехали, сказав «куда де им Адамом оное завещано, туда и будь» [6, д. 495, л. 123 – 126 об., 131].

Таким образом, законы Петровской эпохи, действовавшие на протяжении XVIII в., попытались значительно ограничить сношения монахов и их родственников. Хотя настоятели вятских и пермских монастырей в целом старались соблюдать официальные узаконения, но отношения монахов с родственниками оказывались гораздо шире, чем это было предписано законами, общение между ними не прекращалось, а члены семьи порой воссоединялись в монастырях. При этом семейно-родственные связи в мужских монастырях оказывались гораздо более широкими, чем в женских.

Список литературы

1. Верещагин А. С. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. Вятка, 1898.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 170. Оп. 1.
3. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2.
5. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70.

6. ГАКО. Ф. 237. Оп. 76.
7. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81.
8. ГАКО. Ф. 237. Оп. 82.
9. ГАКО. Ф. 237. Оп. 84.
10. ГАКО. Ф. 237. Оп. 94.
11. ГАКО. Ф. 237. Оп. 100.
12. ГАКО. Ф. 247. Оп. 1.
13. ГАКО. Ф. 430. Оп. 1.
14. Кустова Е. В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря. Киров, 2012. Т. 2. Справочные материалы. 312 с.
15. О высылке из монастырей бельцов и о приеме оных на будущее время: Постановление Синода № 1948 от 18 ноября 1703 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Собрание 1. Т. IV.
16. Прибавление к Духовному Регламенту: Постановление Синода № 4022. Май 1722 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание 1. Т. VI.
17. Романенко Е. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря [Электронный ресурс]. URL: <http://statehistory.ru/books/Povsednevnyaya-zhizn-russkogo-srednevekovogo-monastyra/12> (дата обращения: 25.08.2012).
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 53.
20. Смолич И. К. Русское монашество. Возникновение. Развитие. Сущность (988-1917 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.net/books/russkoe-monashество-vozniknovenie-razvitie-sushchnost-988-1917-read-227129-1.html> (дата обращения: 14.05.2013).
21. Спасо-Орловский монастырь // Вятские губернские ведомости. 1851. № 30.
22. Спасо-Орловский монастырь // Вятские губернские ведомости. 1851. № 32.
23. Спасо-Орловский монастырь // Вятские губернские ведомости. 1851. № 34.

MONKS AND "KINSMEN": HISTORY OF SOCIAL RELATIONS IN MONASTERIES OF VYATKA AND GREAT PERM' EPARCHY IN THE XVIIITH CENTURY

Kustova Elena Vital'evna
Vyatka State Classical University
kustovael@yandex.ru

The author, by the example of Vyatka and Great Perm' eparchy, analyzes a wide range of relationships between monks and their relatives in the context of the state policy, considers the degree of the realization of the Synod decrees on the restriction of monks relations with relatives, in particular discusses the questions of entering the monastery, depending on the family status, living with one's family in the monastery, monks relationships with the relatives, who remained in the secular world, and researches the features of these relations in monasteries and nunneries.

Key words and phrases: monasteries; Vyatka and Great Perm' eparchy; daily life; monks; relatives; social relations; taking of monastic vows; wills.

УДК 343.13

Юридические науки

В статье рассматриваются и анализируются основные позиции в понимании понятия «процессуальная самостоятельность следователя». Особое внимание автором уделяется определению процессуальной самостоятельности следователя в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. В статье также приводится авторское понимание понятия «процессуальная самостоятельность следователя» и обосновывается необходимость его закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова и фразы: предварительное следствие; следователь; процессуальная самостоятельность; уголовно-процессуальное законодательство; право обжалования; ответственность следователя.

Магомедов Анвар Шамильевич

Дагестанский государственный институт народного хозяйства
Anvargisik@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ[©]

Уголовно-процессуальное законодательство определяет следователя как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовным делам в пределах компетенции, предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Одной из основных составляющих правового статуса следователя выступает его процессуальная самостоятельность при производстве предварительного следствия. В последние годы в научных кругах очень